

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

На «стрелке» (Петербургские очерки #15)

«Длинный рядъ экипажей тянулся на Каменоостровскій мостъ. Солнце еще не сѣло, и сквозь жидкую весеннюю листву обливало и Невку, и острова блѣдными косыми лучами. Погода была восхитительная, и весь Петербургъ, располагающій экипажами, или нѣсколькими рублями на извозчика, устремился на „стрѣлку“ ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
На «стрелк»»**

Длинный рядъ экипажей тянулся на Каменоостровскій мостъ. Солнце еще не сѣло, и сквозь жидкую весеннюю листву обливало и Невку, и острова блѣдными косыми лучами. Погода была восхитительная, и весь Петербургъ, располагающій экипажами, или нѣсколькими рублями на извозчика, устремился на «стрѣлку».

Николай Николаевичъ Повацкій, болѣе извѣстный въ петербургскомъ свѣтѣ подъ сокращеннымъ прозвищемъ Никъ-Никъ, былъ великолѣпнень въ своей модной низенькой шляпѣ, недавно привезенной отъ Lëon изъ Парижа, въ длинномъ легкомъ сюртукѣ цвѣта *maison* съ голубоватыми жилками, и въ серебристо-сѣрыхъ панталонахъ, красиво падавшихъ на темно-желтые башмаки. Онъ сидѣлъ съ серьезнымъ видомъ въ своей новой коляскѣ съ высокимъ круглымъ кузовомъ, некрасивой и неудобной, но отвѣчавшей почему-то вдругъ появившейся въ Петербургѣ модѣ – модѣ, кстати сказать, давно уже донашиваемый парижскими извозчиками.

Такъ какъ экипажи тянулись въ одинъ рядъ, то смотрѣть было не на что. Относи-

тельно торчавшаго впереди ярко-краснаго зонтика было уже рѣшено, что этотъ зонтикъ принадлежитъ Корѣ Памъ-Памъ, первой этаули лѣтняго театра при Шато-Кабаре. Поэтому Никъ-Никъ глядѣлъ на свои ноги, разсматривая по преимуществу узенькую пеструю полосу носковъ, и думалъ о разныхъ предметахъ.

Онъ думалъ о томъ, что на «стрѣлкѣ» будетъ очень много народа, что прелестная баронесса Кильвассеръ тоже будетъ, и вѣроятно со своею глухою теткой; что маленькая Шуша сдѣлала себѣ на его двѣсти рублей отвратительную лиловую накидку, хотя пора-бы ей научиться одѣваться; что надо будетъ обратить вниманіе на лошадей князя Ханшаханскаго, о которыхъ кучеръ говорилъ ему вчера, что у нихъ стали пухнуть переднія ноги; и непременно надо взглянуть на новую англійскую пару Лили, за которую будто-бы заплачено пять тысячъ. Думалъ онъ также о томъ, что едва-ли не напрасно поторопился продать брянскія акціи, и что креолка изъ Жардень-Трипо очень смахиваетъ на жидовку, хотя ножки у нея все-таки восхититель-

ныя. Наконецъ, мысли его перешли къ предметамъ совершенно незначительнымъ, а именно: не написать-ли къ Шарве, чтобъ выслалъ партію лѣтнихъ галстуховъ, и какъ поступить, когда кучеръ Ермолай попроситъ прибавки. А попроситъ онъ непременно долженъ, потому что толстѣетъ страшно.

Съ такимъ крупомъ, какъ у него теперь, нельзя сидѣть на козлахъ за прежнюю цѣну.

На Елагиномъ стали уже попадаться встрѣчные экипажи. Это возвращалась со «стрѣлки» буржуазная публика, объдающая въ шесть часовъ, и выѣзжающая въ семь, чтобы попасть потомъ къ первому дѣйствию «Нильскаго чародѣя», или къ семейному чаю, домой. Никъ-Никъ не имѣлъ ничего общаго съ этою публикою и съ этимъ режимомъ. Онъ объдалъ въ семь часовъ, и обѣдъ тянулся нескончаемо долго, потому что собирались пріятели со своими дамами, лилась трескучая болтовня и хлопали пробки. Въ театръ онъ попадалъ случайно, въ половинѣ спектакля, или вовсе не попадалъ, смотря по тому, какъ улаживалась на «стрѣлкѣ» программа вечера и ночи.

Сзади слышался учащенный топот копытъ. Щегольская шорная коляска показала рядомъ.

– М-г Повацкій, bonjour! – окликнула его дама лѣтъ тридцати-пяти, съ хорошенькой дѣвочкой-подросткомъ подлѣ, и съ слѣдами несомнѣнной, хотя уже отцвѣтающей красоты на смугло-блѣдномъ лицѣ.

Никъ-Никъ чуть повернулся корпусомъ и приподнялъ шляпу.

– Я на васъ рѣшительно сердита, – продолжала дама. – На что это похоже, вы совсѣмъ не заглядываете къ намъ!

– Но я былъ за границей...

– Уже больше мѣсяца, какъ вы вернулись. Это измѣна, предательство... я со злости чуть не дала себѣ слова не пускать васъ къ себѣ.

– О, вы неспособны къ такой мстительности...

– Но вы стойте, честное слово. Послушайте, въ субботу мы переѣзжаемъ въ Петергофъ. Въ воскресенье вы должны у насъ обѣдать на дачѣ. А до субботы вы заѣдете взять петергофскій адресъ. У насъ полный беспорядокъ, пріемовъ больше нѣтъ, но васъ я приму.

Даєте слово?

– Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Кто-то обгонялъ сзади, надо было уступить дорогу. Шорная пара подхватила впередъ.

– Смотрите же, въ воскресенья! – крикнула дама, привѣтливо кивая головой. Повацкій опять поднялъ шляпу, и даже подержалъ ее на воздухъ.

– А, Никъ-Никъ! – раздался сочный баритонъ изъ обогнавшей коляски. – Куда ты отсюда?

– Не рѣшилъ еще.

– Знаешь новость: Паша вернулась, – продолжалъ баритонъ.

– А-а! – протянулъ съ замѣтнымъ интересомъ Повацкій.

– Взяла дачу на Каменномъ. Въ воскресенье будетъ звать къ себѣ обѣдать. Ты первымъ въ списокъ. Конечно, приѣдешь?

– Непремѣнно, – отвѣтилъ Повацкій.

Коляски раздвинулись гуськомъ. Началась «стрѣлка».

– Никъ-Никъ, гдѣ вы пропадаете? – крикнула изъ-подъ желто-лиловаго зонтика маленькая блондинка, ѣхавшая въ обратномъ кругу.

– Вездѣ! – отвѣтилъ Повацкій, чуть дотро-
нувшись рукой до шляпы.

– Никъ-Никъ, здравствуй! Ты выйдешь изъ
коляски? – кричалъ щеголеватый господинъ,
правившій необычайно рыжею кобылой въ
шарабанѣ.

– Bonjour, – томно процѣдила дама лѣтъ со-
рока, изъ-за крупнаго туловища которой съ
трудомъ выставляла свою дѣвичью красоту
дочка лѣтъ двадцати.

Въ этомъ мѣстѣ было такъ тѣсно, что обѣ
вереницы экипажей остановились.

– Мы завтра въ Павловскъ, на прошлогод-
нюю дачу, – продолжала мамаша. – Въ воскре-
сенье у насъ въ первый разъ обѣдаютъ.
Пріѣдете, не правда ли?

– Непремѣнно пріѣзжайте, m-r Повацкій! –
крикнула изъ-за ея крутого плеча дочка.

– Merci, буду очень радъ воспользоваться, –
отвѣтилъ молодой человекъ.

Съ боковой аллеи два господина, въ
свѣтлыхъ пиджакахъ, кивали Повацкому, ма-
хали тросточками и показывали отличные
зубы.

– Сойди на серединѣ, тамъ масса знакомы-

хъ, – кричали они сверху.

Никъ-Нику надоѣло раскланиваться и переговариваться изъ коляски; онъ ловко выпрыгнулъ изъ нея, и вышелъ на песчаную площадку.

Тамъ его сейчасъ обступили, поднялась непрерывная трескотня русско-французскаго разговора, прерываемаго взрывами смѣха и насильственно выкрикиваемыми остротами. Даже какой-то старичекъ, съ зачесанными за уши сѣдыми косичками, подошелъ, пожалъ Повацкому руку и произнесъ, обводя взоромъ лахтинскій горизонтъ:

– Гдѣ вы найдете такую природу!

При этомъ углы рта его такъ неестественно раздвинулись, что больше онъ уже ничего не могъ сказать.

Двѣ дамы, въ туалетахъ величайшаго шика, въ шляпахъ, на которыхъ каждый цвѣтокъ представлялъ въ своемъ родѣ созданіе искусства, медленно приблизились къ кружку. Одна изъ нихъ, поровнявшись съ Повацкимъ, тихонько дернула его за рукавъ.

– Подите сюда, мнѣ надо два слова вамъ сказать, – молвила она вполголоса по-фран-

цузски.

Повацкій дотронулся до шляпы и отошелъ въ сторону.

– Слушайте, Никъ-Никъ, это не хорошо, то что вы дѣлаете, – продолжала французенка. – Вы совсѣмъ забываете меня. Помните, сколько времени вы не заѣзжали?

Молодой человѣкъ поторопился извиниться.

– Все это отговорки. Мнѣ безъ васъ скучно, я готова глупостей надѣлать. Мнѣ сейчасъ показали эту вашу маленькую Шушу, ничтожество! Ёздитъ въ извощичьей коляскѣ, и туалетъ швеи. Если вы ко мнѣ не покажетесь, я ей скандалъ сдѣлаю... Вы меня еще не знаете, Никъ-Никъ! Потому что я обожаю васъ!

И не совсѣмъ логическій смыслъ этихъ словъ былъ поясненъ взглядомъ, отъ котораго немножко дрогнули нервы молодого человѣка.

– Не вѣрьте этому вздору, Шуша ровно ничего для меня не представляетъ, – отвѣтилъ онъ.

– Я вамъ вотъ что скажу, Никъ-Никъ. «Мой» переѣзжаетъ въ Петергофъ, въ воскре-

сенье онъ не будетъ въ городѣ. У меня цѣлый день свободный. Вы проведете его со мной. Мы будемъ обѣдать у Фелисьена, потомъ поѣдемъ на «стрѣлку» – не бойтесь, я не сяду въ одну коляску съ вами – потомъ вы будете пить крушонъ у меня – мой крушонъ, какъ я его дѣлаю, вы знаете... съ одной каплей марскину и двумя каплями «финъ». Слышите? рѣшено?

– Да, да, отлично. Въ воскресенье «онъ» будетъ въ Петергофѣ, у него гости обѣдаютъ.

– Нет, откуда вы знаете?

– Мнѣ кажется, меня какъ будто приглашали... Знаете, что я вамъ скажу, мой дружокъ: никогда не пугайте меня скандаломъ, это дурно дѣйствуетъ мнѣ на пищевареніе. Этотъ дуракъ, который показалъ вамъ Шушу, вѣроятно не зналъ, что я тоже могъ бы показать васъ кое-кому...

– Вотъ, вы уже разозлились. Полно, я не хочу ссориться. Въ воскресенье вы со мной, не правда ли?

– Ну, такъ-то лучше. Хорошо.

– Непремѣнно?

– Непремѣнно.

Повацкій отошелъ, и продолжая поминутно раскланиваться, пробрался на боковую аллею. Онъ издали увидѣлъ тамъ даму въ серомъ англійскомъ костюмѣ, въ которой призналъ баронессу Кильвассеръ. Какъ онъ и предвидѣлъ раньше, она шла съ глуховатою тетужкой, жившею у нея въ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ баронесса разошлась съ мужемъ.

Повацкій еще издали отдалъ почтительнѣйшій поклонъ.

— Какъ мы давно не видѣлись! Вы все вѣтренничаете, м-г Никъ-Никъ? — встрѣтила его баронесса.

— Только въ маѣ мѣсяцъ. Въ цѣломъ году одинъ мѣсяцъ — вѣдь это не много? — улыбнулся молодой человекъ.

— Въ такомъ случаѣ вы дурно выбрали свой мѣсяцъ: намъ не удастся вѣтренничать вмѣстѣ. На дняхъ я уѣзжаю за границу.

— Вы приводите меня въ отчаяніе. Но не шутя, вы скоро уѣзжаете? когда?

— Въ воскресенье, съ вечернимъ поѣздомъ. Пріѣзжайте меня проводить.

— До какого пункта?

Баронесса засмѣялась.

– До моего купэ, – отвѣтила она.

– Слушаю-съ. Но это очень дурно, что вы такъ скоро уѣзжаете: я остаюсь здѣсь до іюля.

– Въ іюль я буду въ Остенде.

– А я въ Aix-les-Bains.

– Изъ Aix-les-Bains есть желѣзная дорога въ Остенде.

– Навѣрное.

Баронесса и Повацкій посмотрѣли другъ другу прямо въ глаза.

– Я была бы очень рада встрѣтить васъ за границей, – сказала она.

– Въ такомъ случаѣ я ѣду въ Остенде. Мнѣ кажется, что купальный костюмъ долженъ чертовски идти къ вамъ.

– Я думаю, что вы не ошибаетесь.

И они оба снова разсмѣялись и разошлись.

Повацкій направился дальше по береговой аллеѣ, къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ пустые экипажи. Уже темнѣло, и ему надоѣло вглядываться въ двойную вереницу колясокъ и шарабановъ, тянущуюся подлѣ него. Онъ разсѣянно отвѣчалъ на привѣтствія, часто даже не зная, кто ему кланяется или окликаетъ его.

«Кажется, я получилъ нѣсколько приглашеній на воскресенье, – припоминалъ онъ. – Въ Петергофъ, это разъ. Въ Павловскъ, два. Къ Пашъ на Каменный, три. Къ Фелисьену, четыре. Баронесса звала въ вокзалъ, проводить ее – пять. Само собой, что я не могу быть въ пяти мѣстахъ и на четырехъ обѣдахъ одновременно».

Онъ пошелъ скорѣе, помахивая тросточкой.

«Очень трудно, когда нужно выбирать, – продолжалъ онъ думать. – Ба! – мысленно воскликнулъ онъ. – Чтобъ никого не обидѣть, я поѣду обѣдать къ старой княгинѣ Троевровой на ея казенную дачу. Тамъ два министра будутъ, отличный случай напомнить о себѣ. Такъ-то лучше всего».

И успокоенный этимъ рѣшеніемъ, онъ сѣлъ въ коляску и велѣлъ «сдѣлать кругъ».